

ПИСЬМО И ЧЕЛОБИТНАЯ ИВАНА НЕРОНОВА

В своей недавней статье Георг Михельс показал своеобразие того, что случилось с литературным наследием Ивана Неронова. После того как на соборе 1666 г. Неронов примирился с результатами литургической реформы патриарха Никона, его имя практически исчезло со страниц старообрядческих книг, а его произведения и тексты, посвященные ему, перестали переписываться. В подобных условиях особое значение приобретают эпистолярные и актовые источники о деятельности Неронова, круг которых не столь уж скуден (по сравнению с рядом его соратников-современников). К сожалению, как показал Михельс, исследователи, обращающиеся к наследию Неронова, предпочитали опираться не на эти источники, а на Житие Григория Неронова, составленное неизвестным автором, а также на автобиографическую Записку, написанную златоустовским игуменом Феоктистом со слов самого главного героя¹.

Ниже вниманию читателя предлагаются два документа, автором которых был Иван Неронов. По крайней мере, один из них мог быть теоретически известен исследователям благодаря печатной описи, другой же до последнего времени не имел печатного описания².

Первый документ — письмо (в печатной описи названное отпиской) протопопа Казанского собора Ивана Неронова вологодскому архиепископу Маркелу — не датирован. Само по себе титулование Неронова протопопом Казанского собора указывает на промежуток между 1649 г., когда Неронов был переведен в Москву, и 1653 г., когда он был сослан в Спасо-Каменный монастырь за протест против литургической реформы патриарха Никона. Письмо является беловиком, отосланным отправителем, в чем убеждает как адрес на обороте письма, так и тот факт, что оно отложилось в архиве получателя, т. е. вологодского владыки. Служащие вологодского архиерейского дома не сохранили письмо среди других документов, а использовали его как «оборотку» при создании черновика грамоты архиепископа Маркела к его стряпчему Ивану Токмачеву, находящемуся в Москве, в которой речь идет о присылке в Вологду воска, о перевозке кирпича на архиерейское подворье, о недопущении покупки окольных чин. Дмитрием Петровичем Львовым двора у некоего Михаила Ерофеевича, о подаче челобитной относительно отдачи на оброк пожней на реке Молотме и о высылке в Вологду двенадцати месячных Миней, закупленных стольником Семеном Даниловичем Змеевым. К сожалению, ни одно из этих событий не дает возможности точно датировать грамоту³.

¹ Михельс Г. О деятельности Ивана Неронова в первые годы никоновской реформы // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 23–36. Ср.: Michels G. B. At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999. Публикацию Жития см.: Субботин Н. И. Материалы по истории раскола за первое время его существования. М., 1874. Т. 1. Последняя публикация «Записки о жизни Ивана Неронова» принадлежит Н. Ю. Поньрко (ПЛАДР: XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 337–350). В своей статье Георг Михельс проанализировал источники, свидетельствующие о деятельности Неронова после 1653 г. Если продолжить ту же самую работу на более раннем периоде, то сюда необходимо будет добавить, прежде всего, челобитную пристава Приказа большого двора Ивана Леонтьева на Ивана Неронова (1641 г.), недавно исследованную Н. Ф. Филатовым (Филатов Н. Ф. Иван Неронов. Пира становления // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 319–322). За время, прошедшее после публикации статьи, в научный оборот были введены новые документальные источники, например опубликованная Т. А. Опариной грамота из Монастырского приказа (1656 г.). Некоторые из этих документальных свидетельств еще не успели привлечь внимание исследователей биографии Ивана Неронова. Так случилось и с опубликованной К. В. Петровым записью в описи архива Разрядного приказа 1668 г., в которой упомянуто под 1650/1651 г. «Дело приводное и роспросные речи, что прислал в Розряд казанской протопоп Иван Неронов с шуриным своим с Лазорем Михайловым литовского выходца Петрушку Осипова». Согласно краткой записи, это дело закончилось тем, что Петрушка Осипов был «з женою и з детьми взят» у некоего Ивана Жемчужникова и отдан некоему Левонтию Семенову из Брянска. Само существование Лазаря Михайлова до сих пор оставалось неизвестным исследователям (Опарина Т. А. Грамота Монастырского приказа 1656 г. о «сыске и поимке» Ивана Неронова // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Выпуск 3. М., 2004. С. 75–80; Описи архива Разрядного приказа XVII в. Подгот. текста и вступительная статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 545).

² Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве императорской Археологической комиссии. Коллекция П. И. Савванитова. Пг., 1915. С. 53.

³ Окольный князь Дмитрий Петрович Львов умер в 1659–1660 г. Напротив имени стольника Семена Данилова Змеева в боярской книге 1658 г. стоит недатированная запись «убит в черкаских городех», но эта запись могла быть сделана вплоть до

Для того чтобы написать этот текст, стряпчие архиерейского дома подклеили к письму Неронова еще три документа: отрывок выписи из писцовых книг 1628—1629 г., челобитную сидельцев губной избы о милостыне, а также начало доезжей архиерейского заказчика. К счастью, последний документ точно датирован 27 февраля 1653 г. Поскольку письмо Неронова датировано 22 июня, а не позже февраля 1653 г. оно уже было подклеено вместе с другими тремя документами, чтобы составить «оборотку» для архиерейской грамоты, то придется сделать вывод, что оно не могло быть написано позже 22 июня 1652 г.

В своем письме Неронов просит архиепископа Маркела позаботиться о Петре, сыне священника Иоанна Данилова, который заболел на Вологде и поэтому не смог вернуться в Москву вместе с Нероновым и его спутниками. Неронов сообщает, что он направил из Москвы на Вологду некоего «брата Данилку», который должен забрать Петра из дома Якова Бебехова и привезти его в Москву.

К сожалению, при склейке нового столбца конец письма оказался заклеен (а именно там, судя по всему, находилась подпись). Почерк Ивана Неронова не изучен и не выявлен, само же письмо написано разборчивой, прекрасной скорописью и, скорее всего, является делом рук профессионального стряпчего. Имя стряпчего, помогавшего Ивану Неронову, — Максим Грамотеев — недавно стало известно благодаря архиву Приказа книгопечатного дела. Однако почерк его не выявлен, и от какого-либо суждения о почерке, которым написано письмо, вплоть до дальнейшего исследования приходится отказаться⁴.

Второй документ отложился в архиве одного из московских приказов (возможно, Новгородского приказа). Это челобитная чернеца Григория Неронова, четко датируемая по помете 1664 годом (таким образом, она была написана уже после примирения Неронова с «новым обрядом» в 1657 г.). Неронов просит пожаловать деньги на строительство церкви в основанной им Игнатьевой пустыни. Согласно помете на челобитной, «государь пожаловал, велел на то церковное строенье дать пятьсот рублей из Новгородской чети». В еще одной помете, датированной 25 октября 1664 г. (и дающей возможность датировать саму челобитную), содержание первой пометы конкретизируется: средства полагается предоставить из «остаточных доходов... из вологодских четвертных», притом «без волокиты тотчас»⁵.

Что нового дают эти два документа по сравнению с уже известными источниками? Письмо Неронова кажется особенно интересным, потому что оно было составлено как раз в ключевой период деятельности «ревнителей благочестия», в канун литургической реформы патриарха Никона. Названные в нем лица небезызвестны. Так, упомянутый в нем Иоанн Данилов, священник Казанского собора на Красной площади, является автором письма Ивану Неронову, сосланному в Спасо-Каменный монастырь, которое является одним из важнейших источников для биографии протопопа Аввакума.

Это письмо, которое принято вслед за Н. И. Субботиным датировать 29 сентября 1653 г., дает представление о следующем периоде в деятельности персонажей. В нем Иван Данилов описывает, как протопоп Аввакум, оставшись в Казанском соборе после ссылки Ивана Неронова, попытался навязать себя священникам собора в качестве протопопа, что и встретило отпор. Аввакум вынужден был покинуть собор. Тут же он упоминает и о том, что некие «челобитчики», взятые для допроса на патриарший двор, показали, что переписчиком их челобитной был некий Семен Бебехов, возможно, родственник

1676 г., когда книга перестала пополняться в приказе (Crummey R. O. *Aristocrats and Servitors. Boyar Elite in Russia, 1613–1689*. Princeton, 1983. P. 186; Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 42).

⁴ Деятельность Максима Грамотеева приходится как раз на интересующее нас время: так, 16 июня 1653 г. он купил для Неронова «Сборник» на Печатном дворе (Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В. *Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1618–1652 г. От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона*. М., 2001. С. 418). Особый интерес в связи с этим вызывают свидетельства «Записки о жизни Ивана Неронова», в которой пунктуально отмечено, какое письмо написано было протопопом «за своею рукою», а какое не было «приписано» (подписано) им (Записка о жизни Ивана Неронова // ПЛДР: XVII век. Кн. вторая. С. 351–352). Очевидно, одной из целей Записки и было создание списка подлинных произведений Ивана Неронова, заверенного самим автором, которые тем самым могли бы быть отличены от апокрифов и подделок.

⁵ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1664 г. № 226. Л. 1 об. Грамота об этом была отправлена вологодскому воеводе Степану Аф. Зубову 28 октября 1664 г. (Там же. Л. 2).

упомянутого в письме Якова Бебехова⁶. «...И Семен тайно сбежал с твоего двора ночью, побрав свою рухлядь, — добавляет Иван Данилов. — А искали его, да не сыскали». Позже по тексту письма Иван Данилов сообщает о том, что Семен Бебехов сам явился с повинной на патриарший двор, после чего сослан был в Боровский монастырь. «А оправил-де его Аввакум протопоп, что челобитную складывал яз-де Аввакум, а Семен писал, того не ведаю», — добавляет Иван Данилов, чистосердечно ставя под сомнение достоверность своих источников.

Походя автор упоминает и о том, что во время этого конфликта он бил челом патриарху Никону «о своем сыне Петре, и патриарх государь пожаловал, велел быть в церковных дьяках сыну моему»⁷. Во всяком случае, ясно, что сам Иван Данилов занимал в описываемое время достаточно лояльную позицию по отношению к патриарху Никону, чего никак нельзя сказать об Иване Неронове, Аввакуме или том же Семене Бебехове.

Мелкие бытовые крохи, которые дает это письмо, позволяют, таким образом, конкретизировать круг, сплотившийся в Москве вокруг Ивана Неронова, круг, в котором вращался вплоть до своей ссылки в Сибирь протопоп Аввакум. Но самое интересное в этом письме — конечно, его адресат — архиепископ вологодский Маркел. Уже Георг Михельс заметил, что Неронов и после начала литургической реформы «сохранял тесные связи с несколькими могущественными представителями церковной иерархии»: митрополитом Ростовским Ионой, митрополитом Сарским и Подонским Питиримом, рязанским архиепископом Иларионом и, возможно, с троицким архимандритом Иоасафом⁸. Кажется, что к этому кругу можно теперь отнести и вологодского архиепископа Маркела⁹. Маркел, очевидно, обеспечивал Неронову и близким ему людям из Москвы поддержку в их начинаниях, когда они касались Вологодчины. В этом смысле смерть Маркела (22 марта 1663 г.) и хиротония его преемника Симона, сделали более шатким положение Неронова, лишив его провинциального «тыла»¹⁰.

Кажется, что благожелательное отношение Маркела позволило Неронову осуществить одно из наиболее смелых своих начинаний — Игнатьеву пустынь, или Спасский монастырь на Саре, как иногда, по вполне понятным причинам, предпочитали называть эту пустынь. Само по себе почитание Игнатия не было санкционировано московскими властями. Впоследствии описание чуда от мощей Игнатия будет включено в «Христианоопасный щит веры», но, конечно, применительно к 50-м годам XVII в. речь могла идти только об обычном местном почитании, но не о «старообрядческом» культе. Находясь на канонической территории вологодской архиепископии, пустынь должна была бы зависеть от вологодского архиепископа, но, судя по показаниям Неронова, данным в 1664 г., «благословенную... грамоту» на строительство каменной церкви в пустыни он взял у патриарха Никона (само по себе это свидетельство кажется подозрительным, потому что Никон в описываемое время уже не имел доступа к архивам патриарших приказов, да и к тому же вряд ли кто-то стал бы проверять у опального патриарха, была ли когда-либо им выдана таковая благословенная грамота)¹¹. Вместе с тем, если верить тому же Неронову, он и после 1653 г. служил в пустыни «по старому служебнику»¹². Если прибавить к этому большое количество посетителей и постояльцев пустыни, перед которыми Неронов выступал с проповедями, то становится ясно, что подобный духовный центр, фактически вынесенный за рамки всякого контроля со стороны

⁶ Как отметил Георг Михельс, «социальное происхождение и положение» Семени Бебехова остаются неизвестными (*Michels G. B. At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. P. 58*). Фамилия Бебеховых встречается среди служащих вологодского архиерейского дома, но найти там Якова или Семени мне пока не удалось.

⁷ *Субботин Н. И.* Материалы по истории раскола за первое время его существования (далее — Материалы. I) С. 31–33.

⁸ *Михельс Г.* О деятельности Ивана Неронова в первые годы никоновской реформы // Русское общество и литература позднего феодализма. С. 35.

⁹ Отметим также, что Маркела не было на соборе 1656 г., осудившем Неронова. Еще в своей челобитной царю, поданной в 1664–1665 г., Неронов вспомнит об отзыве Маркела, к тому времени уже покойного, о деле патриарха Никона (Материалы. I. № XII. С. 124–127, 129–131; № XV. С. 186–187).

¹⁰ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 731.

¹¹ Допросные речи Григория Неронова по извету на него Симона архиепископа Вологодского, 11 ноября 1664 г. // Материалы. I. № XVI б. С. 197.

¹² Материалы. I. С. 197.

церковной иерархии, мог существовать только при крайнем попустительстве со стороны местного архиерея¹³. Очевидно, таким и было отношение Маркела, но не его преемника Симона, быстро понявшего, что именно ему может быть приписана ответственность за все, что творилось в пустыни. Именно в этом можно видеть одну из причин резкого ухудшения позиций Неронова начиная с момента, когда на месте его союзника оказался его недоброжелатель. Но это, скорее, уже комментарий ко второму документу.

С первого взгляда можно было бы сказать, что второй из публикуемых документов (а если быть более точным, то помету на нем) не так просто вписать в контекст опубликованных Н. И. Субботиным документов (и, что уже совершенно точно, никак не получится вписать в тот комментарий к этим документам, который был дан Н. И. Субботиным). Если следовать за Субботиным, то окажется, что отношения Ивана Неронова со светскими и церковными властями на протяжении второй половины 1664 и первой половины 1665 г. продолжали стремительно ухудшаться. В 1664–1665 г. Неронов обратился к царю с двумя челобитными, в которых настаивал на выборах нового патриарха. Первая из этих челобитных показывает наибольшее соприкосновение позиции Неронова с позицией властей, искавших выход из создавшейся ситуации (так, в ней Паисий Лигарид был даже охарактеризован как «правдоглаголивый Паисия») ¹⁴. В ноябре 1664 г. Неронов подал изветы на митрополита Ростовского Иону и архиепископа Вологодского Симона ¹⁵. После этого на Неронова поступает жалоба от самого архиепископа Вологодского Симона, которая разбирается Павлом митрополитом Сарским и Подонским. Вслед за этим Иван Неронов подал челобитную в защиту вновь сосланного протопopa Аввакума (6 декабря 1664 г.) ¹⁶. В августе 1665 г., очевидно, после очередного пребывания на Вологодчине, Неронов снова подал изветы на архиепископа Симона, который якобы приказал вынести из алтаря образ Богородицы и назвал св. Николая Мирликийского «смердовичем» ¹⁷.

Но силы были неравными. Неронова сначала решено было отослать в Вологду, предоставив архиепископу Симону определить, в какой монастырь он будет сослан (это решение было принято 21 августа 1665 г.). Спустя три дня, 24 августа, местом пребывания Неронова определена была та же Игнатьева пустынь («Спаский монастырь на Лому»), что нельзя понять иначе как смягчение его участи. Но в тот же день появилось и распоряжение, согласно которому Неронова полагалось определить в Горницкий монастырь в Переславле, так как специальное расследование показало, что Неронов является постриженником не Игнатьевой пустыни, а именно этого монастыря ¹⁸. Но и последнее решение не было окончательным: к 1666 г. Неронов был перемещен в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Важное дополнение к этим документам дает наша челобитная. Во-первых, интересно, что в ней пустынь носит двойное название — «Всемиловитоваго Спаса и преподобнаго Игнатия чудотворца» ¹⁹. Совершенно ясно, что это название, никак не принимавшееся церковными иерархами, не вызвало каких-либо сомнений со стороны адресата челобитной и не помешало щедрому пожалованию. Благодаря иронии судьбы, это щедрое пожалование досталось обителю, которая, как показал Георг Михельс, после новой монастырской ссылки Неронова (1665 г.) «стала важным форпостом оппозиции против новых

¹³ Очевидно, это лояльное отношение Маркела и было одним из факторов, в силу которых провалилась целая экспедиция, посланная из Москвы в 1656 г. в Игнатьеву пустынь с целью арестовать Неронова. В конечном счете, сторонники Неронова не позволили его преследователям схватить его, а последним пришлось удовольствоваться отправкой в ссылку нескольких насельников Игнатьевой пустыни (Опарина Т. А. Грамота Монастырского приказа 1656 г. о «сыске и поимке» Ивана Неронова. С. 75–80).

¹⁴ Материалы. I. № XV. С. 188–189. Вопрос о том, какое именно из сочинений Паисия Лигарида Неронов здесь цитирует, заслуживает специального исследования.

¹⁵ Материалы. I. № XVI. С. 192–195.

¹⁶ Материалы. I. № XVII. С. 198–201.

¹⁷ Допросные речи старца Григория Неронова, 24 августа 1665 г. // Материалы. I. № XVIII б. С. 203–208.

¹⁸ Материалы. I. № XVIII в–е. С. 208–213. Ср.: Отписка митрополита Сарского Павла к царю Алексею Михайловичу о допросе старца Григория Неронова, 24 августа 1665 г. // Материалы. I. № XVIII а. С. 202.

¹⁹ Т. А. Опарина однажды назвала Игнатьеву пустынь «Спасо-Евмимиевым монастырем на Лому». Такое название мне в изученных мной источниках не встречалось (см.: Опарина Т. А. Поиски церковного идеала Ивана Неронова // Человек верующий в культуре Древней Руси. СПб., 2005. С. 76).

литургических книг»²⁰. Во-вторых, впоследствии в своей челобитной, адресованной царю, вселенским патриархам и новоизбранному патриарху Иоасафу Неронов будет оправдываться тем, что полагал, что его заставляют просить прощения у церковных иерархов «без... царского повеления»²¹. Неронов явно намекал на то, что позиция высших церковных иерархов в его деле не совпадает с позицией царя, и именно к этому намеку Неронова приходится вернуться (это объяснило бы и странные колебания в выборе места ссылки). В противном случае нам пришлось бы предположить, что отношение светских и церковных властей к Неронову, скорее положительное в октябре 1664 г., за несколько месяцев кардинально ухудшилось (свою роль могло бы сыграть здесь, например, заступничество за Аввакума, которое свидетельствовало о центральной роли Неронова среди оппонентов литургической реформы).

1. Письмо протопопа Казанского собора Ивана Неронова архиепископу Вологодскому Маркелу, 1649 г. — 22 июня 1652 г.

Великому г(о)с(у)д(а)рю св(яти)т(е)лю преосв(я)щенному Маркелу (1) архиеп(и)ск(о)пу вологодскому и великопермскому о Г(оспо)дѣ радоватися. С Москвы соборныя ц(е)ркве Пр(е)с(вя)тыя вл(а)д(ы)ч(и)щ(и)н(а)шея Б(огороди)щ(и)и Пр(и)снод(е)вы М(а)риич(е)стныя и славныя ея иконы Казанские многогрѣшныи и недостойныи протопопъ Иоан Неронов бл(а)гословения и молитвъ прошу ко Г(о)с(по)ду Б(о)гу и челом быю. Сп(а)сися, великий и преч(е)стнѣйшии архиерею Б(о)жий о Г(оспо)де Б(о)же в державѣ крѣпости его. А пожалуеши(ь) г(о)с(у)д(а)рь по своей д(у)х(о)вной любви изволишь о нас слышать, и моему окаянству всещедрыи и всеил(ь)ныи в Тро(и)це славимый Б(о)гъ н(а)шъ м(о)л(и)твъ ради пр(е)св(я)тыя вл(а)д(ы)ч(и)щ(и)н(а)шея Г(ос)п(о)жи и Б(огоро)д(и)щ(и)и и всѣх св(я)т(ы)х своих и ваших ради от(е)ч(е)ских св(я)тых м(о)литвъ претерпѣль, июня по 22 день в дому Пр(е)ч(ис)тыя Б(огоро)д(и)щ(и)и в живых обрѣгаюся, а впред(ь) о нас его ж св(я)тая Б(о)ж(и)а воля, яко ж той восхоцет. Да осталася от меня на Вологде в дому Якова Бебехова соборныя н(а)шея ц(е)ркве Пр(е)ч(ис)тые Бо(горо)д(и)щ(и)и св(я)щенника Иоанна Даниловича (2) с(ы)нѣ Петрѣ (3) болен и преж сего яз убогий к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю писал, надеяся на твою премногую м(и)л(о)сть, и чтоб ты г(о)с(у)д(а)рь пожаловал по твоей д(у)ховной любви, согласяся с Ларионом Семеновичем Милославским (4), и того Петра приказал свестъ к Москве, и н(ы)нѣ от нас послан его ради нарошно брат Данилка. И тебе бѣ, г(о)с(у)д(а)рю, сотворить со мною м(и)л(о)сть Г(о)с(по)да ради, буде он Петрѣ обмется, и чтоб пожаловать, велѣть свестъ к нам к Москве, а за твою г(о)с(у)д(а)ря моего премногую м(и)л(о)сть еще изволит Г(о)с(по)дѣ видѣти твои пр(е)п(о)д(о)бные очи, и аз буду челом бити. По сем прошу у тебя г(о)с(у)д(а)ря бл(а)гос(ло)вения и челом быю.

Архив Санкт-Петербургского института истории. Колл. 117. Оп. 1. № 347.

2. 1664 г., до 25 октября. Челобитная чернеца Григория Неронова царю Алексею Михайловичу о пожаловании 500 руб. на достройку церкви в Игнатъевой Спаской пустыни

Ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю и великому кн(я)зю Алексѣю Михайловичу всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу бѣет челом нищей твой г(о)с(у)д(а)р(е)вѣ б(о)гомолецъ чернецъ Григорей Неронов. В пустыне, г(о)с(у)д(а)рь, Всем(и)л(о)стиваго Сп(а)са и преподобнаго Игнатия чудотворца строится твое г(о)с(у)д(а)р(е)во богомол(ь)е церков(ь) (5), а достроит(ь) мнѣ, б(о)гомол(ь)цу твоему, тое церкву нечем. М(и)л(о)сердый г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь и великий кн(я)зь Алексей Михайловичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ, пожалуй меня, б(о)гомол(ь)ца своего, вели, г(о)с(у)д(а)рь, мнѣ дат(ь), чем бы тое ц(е)рков(ь) достр(оить), чемъ тебѣ, великому г(о)с(у)д(а)рю, м(и)л(о)с(е)рд(ы)и(й) Богъ) возвестит. Ц(а)рь, г(о)с(у)д(а)рь, смилуйся.

РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1664 г. № 226. Л. 1.

²⁰ Michels G. B. At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. P. 131–132.

²¹ Покаянное послание старца Григория Неронова к царю, патриархам и всему собору, 1667 г. // Материалы. I. № XXII. С. 242 (1667 г.). Ср. примечание Н. И. Субботина, где он отмечает именно это объяснение Нероновым своих действий — как будто бы его дело решают без ведома царя (Там же. С. 225).

Комментарий

1) Маркел (ум. 22 марта 1663 г.) — архиепископ Вологодский и Великопермский (16 января 1663 г.), до этого игумен Соловецкого монастыря (1640—1645 г.) (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 731, 816).

2) Иоанн Данилов — священник Казанского собора на Красной площади, автор письма Ивана Неронова от 29 сентября 1653 г.

3) Петр — сын священника Ивана Данилова, пожалован «дьяком» патриархом Никоном (1653 г.). Скорее всего, речь идет о назначении дьяком в один из патриарших приказов, потому что среди дьяков патриарших хоров подобного имени не находится (*Парфентьев Н. П.* Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII в. Челябинск, 1991).

4) Милославский Ларион Семенович — окольничий (с 25 июня 1682 г.), боярин (с 31 марта 1689 г.). Последний раз упоминается в боярских списках под 1697/1698 г. (*Смиттеу R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton, 1989. P. 204).

5) Интересно, что старец Григорий Неронов упоминается под 1665 г. как строитель Игнатьевой пустыни — это едва ли не скрытая ссылка на наш документ (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. С. 785).

Очевидно, постройка церкви была доведена до конца. В декабре 1681 г. строитель старец Макарий показал, что «в той де Игнатеве пустыне что на Лому построена до него... церковь во имя священномученика Игнатия Богоносца, а под той церковью лежал тот вышеписанный преподобный в земли». По крайней мере до этого времени мощи лежали «под спудом».

